Сказки гор и ручьёв

Автор:
Кармен Сильва

Сказки гор и ручьёв

Кармен Сильва

Имя Кармен Сильвы, автора многих задушевных стихотворений и изящных рассказов, давно уже пользуется громкой известностью в литературе. Имя это избрала своим псевдонимом румынская королева Елизавета (1843-1916). Выйдя замуж за Карла Гогенцоллерна, ставшего королём Румынии, Елизавета уделяла большое внимание литературным занятиям. Она не только писала рассказы, стихотворения, сказки и романы, но и переводила произведения французской и румынской литературы на немецкий язык.

Кармен Сильва

Сказки гор и ручьёв

Предисловие

Имя Кармен Сильвы, автора многих задушевных стихотворений и изящных рассказов, давно уже пользуется громкою известностью в литературе. Имя это, как известно, псевдоним румынской королевы Елизаветы. Вот как сама королева Елизавета объясняет во введении к сборнику своих стихотворений «Meine Ruh» выбор этого псевдонима:

«Carmen das Lied, und Sylva der Wald,

Von selbst gesungen das Waldlied schallt

Und wenn ich im Wald nicht geboren war,

Dann s?ng’ich die Lieder schon l?ngst nich mehr».[1 - [«Carmen – это песня, а Sylva есть лес,Так и возникла на свет песнь Лесная,И если бы я не в лесу родилась,То не было б в мире давно моих песен».]]

Королева Елизавета, по своему происхождению, немецкая принцесса, дочь князя Германа Вид и его супруги Марии, урожденной принцессы Нассауской. Она родилась 29 декабря 1843 г. в замке Нейвид. Видский княжеский дом уже издавна славился многими своими представителями, стяжавшими себе почетное имя на поприще науки и литературы. Среди предков принцессы Елизаветы насчитывается немало выдающихся писателей, путешественников и учёных. Сам отец принцессы известен своими философскими трудами; ему принадлежит сочинение: «Des unbewusste Geistesleben und die gottliche Offenbarung». Высокоинтеллигентная атмосфера окружала, таким образом, принцессу Елизавету с самого раннего детства. На образование ее также было обращено ее родителями немало внимания. Ее первоначальным воспитанием руководила девица Иоссе, оказавшая благотворное влияние на живого и богато одарённого ребенка. Пребывание ее родителей в Бонне и Гейдельберге, где их дом посещали многие ученые и литераторы, как например, Мориц Арндт, Бунзен, Ньюкомм, Шпрингер, Гельмгольц, Гервинус и другие, путешествие по Швейцарии и северной Италии, поездка к Берлинскому двору и, наконец, в Париж для окончания образования, также не прошли, конечно, без следа в жизни будущей поэтессы. Кроме того, ею было совершено большое путешествие по Европе вместе с русской великой княгиней Еленой Павловной, которая приходилась ей теткой. Во время этого путешествия принцесса Елизавета посетила, между прочим, и Россию, побывала в Петербурге и Москве. В ее письмах к родным находится много указаний на то, какое впечатление произвела на нее Россия и русская жизнь. Описывая в самых лестных выражениях тот приём, какой был оказан ей при русском дворе, принцесса Елизавета говорит, однако, что сам Петербург, как город, не произвёл на нее сильного впечатления. Ей более понравилась, как и следовало ожидать от такой художественной натуры, Москва с ее оригинальной архитектурой, старым Кремлём и живописными окрестностями. Интересовалась она и Троицко-

Сергиевской лаврой, как ярким образчиком Византизма, столь чудного и мало знакомого западному человеку.

В 1869 г. принцесса Елизавета вышла замуж за князя румынского Карла, второго сына князя Антона Гогенцолерна и принцессы Баденской. Тяжелое время, которое переживала в те годы Румыния, как от внутренних раздоров, так и от внешних неурядиц, германско-австрийской и позже русско-турецкой войны, все это поставило молодую королеву, как говорится, лицом к лицу с жизнью и заставило ее посвятить себя общественной деятельности. Деятельность эта, по ее результатам может быть признана в высшей степени плодотворной. Имя королевы Елизаветы всегда будет с чувством благодарности вспоминаться теми из служивших в румынской армии, которым пришлось пострадать в последнюю турецкую кампанию. Целый ряд учебных и благотворительных заведении в Румынии, каковы: «Asyle Helene», „Scola Elizaveta Doamna», «Concordia» и «Furnica», общая задача которых сводится к призрению бедных и поощрению местной мелкой промышленности, обязаны своим возникновением и поддержкой никому иному, как румынской королеве.

Кармен Сильва (королева Румынии Елизавета, 1843–1916)

В жизни своей принцессе Елизавете пришлось испытать немало горя. Смерть отца, младшего брата, умершего еще в детских годах, и, наконец, уже, в Румынии, кончина своего собственного ребенка, – всё это наложило отпечаток грусти и меланхолии на ее ранние произведения. В высшей степени чуткая и впечатлительная, она отзывчиво относилась ко всему, с чем ей приходилось сталкиваться в жизни, и изливала все свои впечатления в изящных и звучных стихах. Вот почему более ранние произведения ее (сборник «Meine Ruh») – почти исключительно лирического характера.

Потеря близких ей людей, ее встречи в новом отечестве – Румынии, красоты увиденной ею природы, – все это выражает она в ярких образах, продиктованных ей глубоким и неподдельным чувством. Новый период в литературной деятельности Кармен Сильвы наступает с того времени, когда она

берется за литературную обработку народных румынских преданий.

Глубоко пораженная потерею своего ребенка, королева Елизавета искала отдыха и забвения, с одной стороны, в заботах о своём новом народе, с другой – черпала вдохновение в его песнях. Живописная природа Румынии, ее глубокие ущелья, тишина которых нарушается лишь шумом потоков, причудливые формы горных вершин, наконец, Дунай с его красивыми берегами, – все это невольно должно было напоминать ей родную Рейнскую родину и тем ещё более привлечь к себе её внимание. Замок Пелеш, летнее местопребывание румынской королевской четы, расположенный у горного потока того же имени, и его окрестности дают богатый материал для поэта. Имена окружных гор – Вирфуль-ко-Дор, Фурника, Пиатра Арса, Йипиа – также породили ряд легенд, вдохновлявших еще до королевы Елизаветы многих румынских поэтов и получивших под ее пером высокохудожественную обработку. Некоторые из ее произведений из этой области, выпущенных в свет под общим названием, «Царство Кармен Сильвы», а именно те из них, которые находятся в сборнике «Рассказы Пелеша», мы и предлагаем теперь русским читателям.

Содержание помещённых в этом сборнике рассказов чрезвычайно разнообразно. Некоторые из них являются объяснением различных названий окрестных с Пелешем горных вершин, пещер и т. п. и по характеру своему напоминают изящные по форме и полные захватывающего интереса по содержанию «Метаморфозы» Овидия, поэтический гений которого как бы сообщился жителям Черноморья, куда был сослан римский поэт. Другие из них, как например, Пиатра Арса и Чахлау, заключаются в себе, кроме того, исторические предания румын; третьи, наконец, изящные легенды, не приуроченные к какому-нибудь определенному месту. Самая фабула их, независимо от вложенной в них идеи, полна интереса; яркие краски южной народной фантазии оставлены в их полной силе в передаче Кармен Сильвы и лишь слишком резкие, и грубые штрихи поэтических образов смягчены ею, а всему произведению, в его целом, сообщён идеалистический оттенок, придающий ему лишь большую ценность. Образы этих легенд в изложении Кармен Сильвы должны глубоко запечатлеться в умах хотя бы самых юных читателей и произвести на них впечатление сами по себе, независимо даже от высоких воплощённых в них идей. Идеи эти, со своей стороны, также не могут не возбудить к себе симпатий. Святость долга, милосердие, стремление найти хоть крупинку хорошего в самых отрицательных типах, вот то высокое и прекрасное, поборником чего является Кармен Сильва в обработанных ею в поэтические образы румынских народных преданиях. Мы не сомневаемся, что чтение румынских легенд Кармен Сильвы доставит высокое художественное наслаждение и подействует укрепляющим и

облагораживающим образом на наше подрастающее поколение.

«Рассказами Пелеша» не исчерпываются поэтические произведения Кармен Сильвы из области румынских преданий. Вторая часть «Царства Кармен Сильвы» появилась в 1887 году под заглавием: «Из века в век» («Durch die Jahrhunderte»). Эта часть посвящена почти исключительно историческим румынским легендам. Здесь собраны воедино как рассказы о глубокой древности, о тех временах, когда впервые в нынешней Румынии появились римляне, так и о Средневековье, и о народных подвигах нашего времени. «Они начинаются», – говорит о них сама королева Елизавета в посвящении этого сборника румынскому поэту Александри, известному своими собраниями народных песен, – с поражения Децебала и кончаются падением «Виддина». Рассказы эти не были еще до сих пор переведены на русский язык. Некоторые из них также вошли в наш сборник.

Пелеш

Из недр седого Бучдеша, так много на своём веку видавшего, что он утратил, наконец, и самую способность чему-либо изумляться, бежит, бурливо шумя и пенясь, многоводный лесной поток и, ворочая и крутя, погоняет свои курчавые волны с такою бурною стремительностью, как будто положил себе в разгаре молодых, задорных сил пронестись из края в край по всему белу свету. Лихой он молодец, красавец этот Пелеш! Кудрями рассыпаются курчавые волосы, синеют очи голубые, а при этом и сколько могучей в нём силы! Сколько резвости, удальства и юной заносчивости! Словом, настоящий он сын большой дородной горы!

Существует, легендарное сказание, гласящее, будто Пелеша породило одно огромное и населенное русалками подземное озеро. И действительно, если кому случается подолгу засиживаться на его берегу, погруженным в созерцание его красивого, быстрого и своевольного течения до того, что он позабывает, глядя на эти волны, всякую житейскую суету, тому порою и в самом деле слышится и даже очень явственно пение русалок. По временам же бывает и то, что та или другая из русалочек, взобравшись на какой-нибудь широкий большой лист, пронесется на его глазах вниз по течению бурливо-шумящего Пелеша, шаловливо поглядывая своими смеющимися глазами то в ту сторону, то в другую. Однако же счастье видеть русалку не всякому выпадает на долю, а

лишь тому, кто при звоне церковных колоколов впервые открыл глаза на Божий свет и ни разу еще не согрешил ни единым злым помышлением. Ласково проводя своими нежными розовыми пальчиками по курчавым волосам Пелеша, русалки шёпотом ведут с ним беседу о сокрытой в глубине гор общей их родине; Пелеш же, внимая их речам, забавляет их, то и дело, поднося им небольшие зеркала, в которых водяные красавицы могут всласть любоваться своими хорошенькими розовыми личиками. Удивительно чудной он, этот шёпот русалок, – такой же чудной, как и таинственный шелест древесной листвы, когда ее колеблет дуновение лёгкого ветерка. Что же касается Пелеша, то этот усталости не ведает, такой в нём преизбыток резвых молодых сил, столько испытывает он блаженства и радости в своём быстром вольном течении!

Быстро, одну за другую, и всё разнообразными массами катит он все дальше и дальше свои пенистые своенравные волны, никогда не задаваясь вопросом, много ли их или мало у него убывает. Он ведь знает, что там, в недрах высоких гор, есть одно огромное озеро, в котором вода никогда не иссякнет, если только Бучдеш не распадется в прах и морем не покроются Карпаты.

Рассчитывать Пелеш не мастер и никогда не говорит: «Расточать своего богатства я не стану: пожалуй, обеднею!» О, нет, этого он не говорит, а все только погоняет, не ленясь и не скупясь, свои синие волны, орошая их брызгами берега, поя и освежая живительной влагой и растения, и зверя, и человека.

Случается, впрочем, и ему бывать в дурном настроении и сердиться, если весна почему-либо запаздывает, или же осень начнёт не в меру торопиться уступить место зиме. Тут от гнева он весь желтеет и до того грозно надувается, что кажется готовым разнести и исковеркать всё, до чего только удастся ему добраться. Но в такие минуты над ним начинает обыкновенно очень жестоко издаваться буря и сильно его хлещет в наказание, или же, ломая, а не то и с корнем вырывая большие деревья, бросает их ему поперёк дороги, этим затрудняя и замедляя течение своенравной и нетерпеливой кудлатой головы. А между тем, как же ему не сердиться раннему появлению зимы, – ему, которому всегда так тяжело и прискорбно уносить на своих резвых волнах упавшие с деревьев жёлтые поблёкшие листья, – уносить безжизненными и безгласными те самые листья, с которыми так еще недавно весело беседовал он и балагурил?

Не нравится Пелешу и ледяной покров, ибо он чувствует себя очень стеснённым его непосредственною близостью и усматривает в этой его близости к себе желание заставить его замолчать. За Пелешем же водится одна маленькая

слабость: говорлив он не в меру и всегда готов без умолку болтать с деревьями, цветами, с камышами, лесными пташками и даже со мхом, что мшится на его же камнях; наконец, он не прочь бывает поболтать хотя бы даже только с самим собою, если уж не находится другого охотника послушать его речей. А между тем, кто же из нас согласился бы говорить постоянно только с самим собою? Ведь даже и самый умный человек и тот, постоянно беседуя только с собою, наверное, очень скоро показался бы себе таким скучным собеседником, каким никогда еще не находил его даже лучший его друг, хотя этот последний уже не раз бывал принуждён, слушая его, вооружаться величайшим терпением.

Пелешу всегда бывает очень приятно своими рассказами возбуждать удивление, а если ему и случается подчас проболтать при этом ту или иную доверенную ему тайну, то большого греха он в этом не видит, как бы ни бранили его за это горы, обзывая «старой бабой». Выслушивая эти упреки, Пелеш только потряхивает своею курчавой головой, да посматривая на лес, плутовато подмигивает, словно желая ему сказать:

– А все-таки тебе бывает приятно послушать меня, не так ли, голубчик?

Мне и самой не раз случалось часами сидеть на берегу Пелеша, и тут, пока я прислушивалась к мерному плеску и шуму его быстро крутящихся волн, мне чудилось порою, будто передо мною среди пены и брызг мелькают – то тонкие пальчики русалки, то крошечная ее ножка, то локон золотистый, и не раз слышались мне то звуки дивного пения, то какой-то странный таинственный шёпот.

Ну, а теперь мне хотелось бы рассказать вам и о том, о чем пели русалки, и то, что поведал мне сам Пелеш.

Ведь всё то, что уже рассказал Пелеш, перестаёт быть тайною, ибо рассказанное им быстро становится известным весьма многим. Про то знают и ели, и сосны, буки и папоротники, мхи и незабудки; а те, что ещё не знают, вскоре узнают благодаря ветру, который до тех пор трясёт и тормошит листья, пока не поведают они всего, что знают, дабы и птицы в свою очередь имели возможность, перелетая из края в край, распространить эти рассказы всё дальше и дальше, пока долетят они до того края, где за отсутствием воздуха, бури перестают бушевать.

Но так как мне природа крыльев не дала, то и распространить эти рассказы очень далеко и быстро я не могу, а потому и расскажу их только одним вам, дети, чтобы пробудить в вас желание самим побывать на берегах Пелеша.

Очень быть может, что вам он расскажет даже ещё гораздо больше, чем рассказал он мне; тому же из вас, в голове которого еще никогда не зарождалось положительно никакой недоброй мысли, – наверное, явятся и русалки.

Пока же вы послушайте рассказы как о том, что действительно было, так и о том, – чего никогда не бывало, а если бы не былью было и то и другое, то и рассказывать этого не стал бы старый Пелеш.

Вирфул ку Дор

Однажды в Синайи был большой праздник, и молодежь, веселясь, водила среди улицы хору[2 - Румынский народный танец.], да такую веселую и оживленную, какой еще никогда не бывало: но день был праздничный, и монастырские монахи ради праздника не поскупились угостить поселян досыта и на славу. Гостей в Синай по случаю праздника собралось со всех – окрестных, как ближних, так и дальних – сел и деревень. – Были тут гости из Изфора и Поеаны-Цапулуи[3 - Овечья лужайка.], из Камарника и Предеала, и даже из некоторых местностей по ту сторону гор.

День был жаркий, солнце нестерпимо жгло и пекло, и молодые девушки, разгоряченные вдобавок и пляской, поснимали свои головные платки, да и парни сдвинули на затылок свои разукрашенные цветами шляпы с широкими полями.

На траве, с обеих сторон от плясавших, любуясь родным национальным танцем, группами стояли молодые матроны с грудными детьми на руках, и стройные фигуры молодых этих жён в длинных полупрозрачных белых покрывалах, красиво мелькая и там и сям, казались издали яблонями в цвету.

От весёлого топота плясавшей молодежи, ее оживлённого говора и звонкого молодого смеха гулом стоял на улице шум. Грациозно и легко порхали молодым девушки, еле-еле касаясь земли красивыми маленькими ножками, быстро мелькавшими из под узкой юбки. Их белые рубашки были богато расшиты золотом и разноцветными шелками; на шее блестели ожерелья из золотых монет. Не прерываясь шла пляска под немолчные звуки гуслей. Ключом кипела молодая жизнь, и безостановочно, словно кровь в жилах, кружилась молодежь то одною длинною сомкнутою цепью, то несколькими отдельными большими и малыми кругами.

А между тем, немного поодаль, опираясь на длинный посох, стоял молодой красивый пастух и быстрым взглядом своих больших и черных, как спелая ежевика, глаз обводил толпу плясавшей молодежи. Своей фигурой – статной и стройной – он напоминал молодую ель. Из-под белой барашковой шапки густой волною падали до плеч черные кудрявые волосы. Его рубашка сурового цвета была перехвачена у пояса широким кожаным кушаком; ноги были обуты в сандалии. Быстрым и проницательным взглядом окинув толпу веселившейся молодежи, он уставился глазами в одну из молодых девушек и долго, не отрывая глаз, смотрел на нее пристально и нежно. Но молодая девушка, казалось, не обращала никакого внимания ни на него, ни на его горячий взгляд. Она была очень хороша собою, эта молодая девушка; прекраснее всякого цветка, красивее альпийской розы, нежнее и воздушнее эдельвейса. В ее больших красивых глазах искрилось два огонька: один в чёрном зрачке, другой в тёмно-золотистом венчике, окружавшем этот зрачок. Белые ее зубы так и сверкали каждый раз, как раскрывала она свои коралловые уста; волосы у неё были совсем черные с отблеском, как та пропасть, на дне которой, сверкая, бежит прозрачный ручеёк, и красовавшийся у неё на голове венок из полевых цветов не блёк и не вял, словно придавала она ему и свежести, и жизни. Стройный стан её был до того тонок и гибок, что казалось, его можно было бы сломать рукою; а между тем о необычайной силе её ходили целые рассказы. Да, красива, очень красива была Ирина, и Ионель, любуясь ею, был не в силах оторвать от неё глаз. Но вот и он приблизился, наконец, к толпе молодежи и схватил Ирину за руку. Лукаво улыбаясь, взглянули на Ирину молодые девушки; Ирина же – та слегка покраснела.

В эту минуту гусляры вдруг смолкли. Молодые парни принялись в последний раз кружить своих дам, и тут Ионель резким движением дёрнул Ирину за руку. Многозначительно было такое его движение. Однако же Ирина не рассердилась, а только пожала плечами и захохотала.

– Ирина, – вполголоса сказал ей Ионель, – ты видишь вон те поблёкшее листья, что желтеют на том буковом дереве? Не значит ли это, что наступила для меня пора спуститься с моим стадом с горы в долину, в Бараган, а не то, может статься, и в Добруджу, и, стало быть, до весны мы друг с другом больше не увидимся. Итак, скажи ты мне на прощанье доброе словечко, дабы мог я быть спокоен сердцем и не трепетать при мысли, что ты будешь дарить здесь других парней своими взглядами и улыбками.

– Что же мне тебе сказать? Ведь ты же меня нисколько не любишь и очень скоро позабудешь.

– Я готовь скорее умереть, чем забыть тебя, Ирина.

– Это только одни слова, а я словам не верю!

– Что же должен я сделать для того, чтобы поверила ты моей любви?

Ирина искоса посмотрела на Ионеля, причем в глазах ее сверкнул огонёк, и затем сказала:

– То, чего сделать ты не в состоянии.

– Нет, я готов сделать для тебя всё! – медленно и как бы бессознательно проговорил Ионель.

– Неправда! Например, остаться на зиму на горе один без овец – ты не в состоянии, так как для тебя расстаться с твоим стадом тяжелее и больнее, чем расстаться со мною.

– Остаться без моих овец! – промолвил Ионель и тяжело вздохнул.

– Ну, вот видишь ты? – засмеялась Ирина. – Единственное, чего я от тебя желаю, это то, чтобы остался ты там, наверху, на горе один, без твоего стада; ты же

сделать для меня даже и этого не можешь! Слова, одни пустые слова!

– А если я это сделаю? – бледнея, проговорил Ионель и крепко стиснул зубы.

Тут молодые девушки и парни, с самого начала обступившие Ирину и Ионеля и слышавшие весь этот разговор, принялись все поочередно кричать ему; «Не делай ты этого, Ионель! Не делай!».

Подошёл к Ионелю и старик пастух с густыми нависшими бровями и головою, убелённою серебристою сединою и, положив руку на его плечо, сказал ему:

– Не гоняйся, Ионель, за молодыми девушками и не слушай ты их речей. Они разобьют тебе сердце, а потом сами же насмеются над тобою. Разве ты не знаешь, что пастуху, покинувшему своих овец, остается только лечь и умереть?

Затем, обратившись к Ирине, старик сердито погрозил ей кулаком и сказал:

– Ты воображаешь себе, что можешь – потому что красива и пригожа – позволять себе все, чтобы ни взбрело тебе на ум, и что ничто никогда не покарает твоего своенравства. Но знай, что всякое злое дело, которое ты делаешь, ты его делаешь, прежде всего, самой себе.

Ирина засмеялась.

– Да ведь никто же не неволит его оставаться, а мне он и вовсе не нужен, – сказала она и затем, круто повернувшись, побежала за монастырь к роднику, чтобы напиться.

Но Ионель ничьих советов не послушал и бледный, и сумрачный направился по дороге к горе. Проходя же мимо Ирины, он только махнул ей рукою.

– Не надо, не делай ты этого! – крикнула она ему вслед и тут же, обратившись к подругам, стала с ними вместе чему-то смяться.

– Не делай этого! Не делай! – увещевал его и ворчун Пелеш.

Но Ионель даже не слыхал, что говорил ему бурливый поток, и под горячими лучами полдневного солнца начал подниматься в гору, проходя горными лужайками, приютившимися под тенью громадных вековых елей, а затем пошёл буковым лесом, держа путь к пастушьей хижине, близ которой находились и его овцы и из которой при его приближении с весёлым лаем выбежали ему на встречу его верные собаки.

Приласкав кудластых своих псов, он начал кликать свою миоритцу[4 - Молодая ягнившаяся овца.]: «Брр, брр, ойтца!»[5 - Ягнёнок.] На этот клич вместе с ягнёнком прибежала к нему овца и позволила ему впутать себе в волну ту гвоздику, что украдкой похитил он у Ирины.

Попросив остальных пастухов захватить с собою в долину и его стадо овец, он сказал им, что сам придёт туда попозднее, так как обязан сперва выполнить некое данное им обещание.

С изумлением выслушали его товарищи-пастухи.

– Если же я совсем не приду, – добавил он в заключение, – то вы скажите, что меня на свадебный пир пригласила злая кручина тоска.

Затем, взяв с собой свой пастуший рожок, он пошёл дальше, вверх по горе, и все шёл, пока не добрался до самой ее вершины, с высоты которой увидал весь край по ту сторону Дуная до самых Балкан. Здесь он остановился и, приложив к губам свой рожок альпийского пастуха, огласил воздух протяжным, жалобным звуком. После этого он увидал бежавшую к нему со всех ног одну из любимых своих собак, которая добежав до него, начала, виляя хвостом и жалобно визжа, тащить его за рубашку, тянуть вниз с горы, к овцам, так что бедный Ионель, не зная как ему от неё отвязаться, решился, наконец, хотя и со слезами на глазах и с болью в сердца, прогнать от себя верного пса с помощью угроз, брани и камней.

Таким образом, удалив от себя последнего своего друга, Ионель остался один и одинокий стоял теперь среди горной пустыни. Под ним, плавно рассекая воздух, медленно кружились два альпийских орла, и это было единственное, что нарушало царившую кругом мертвую тишину.

Тяжело вздохнув, Ионель растянулся на невысокой траве, и еще долго вздыхал, прежде чем, наконец, заснул весь измученный тоской и душевным томленьем. Когда же он проснулся, то увидал себя окружённым целым морем носившихся вокруг него мягкими клубами облаков, которые, подступая постепенно всё ближе и ближе к нему, сперва отдельными и быстро сменявшимися грядами, вскоре, однако же, начали мало-помалу сгущаться в одну плотную неподвижную и непроглядную стену, которая скоро как бы совсем и навсегда отрезала его от всего остального мира.

И вдруг среди этой непроглядно туманной мглы перед ним стали обрисовываться определённые очертания, и вокруг него, держа друг друга за руки, начали носиться красивые женские образы в белоснежном чудно светящемся одеянии. Ионель потер себе глаза в уверенности, что это грезится ему обольстительное сновидение, и в ту же минуту до слуха его долетели чарующие звуки дивного пения. Нежно и мягко и будто где-то далеко-далеко звучали эти голоса. Но скоро весь этот рой воздушных созданий, обступив его со всех сторон и с любовью простирая к нему объятия, начал звать его к себе.

– Ко мне, ко мне, прекрасный юноша! Пойдём со мною! – Так наперерыв друг перед другом манили его эти восхитительные женские образы.

Но Ионель в ответ на их призывы только головою качал.

– Напрасно, юноша, отвергаешь ты нас. Мы подарим тебе столько счастья, столько радостей, что ты навеки забудешь о долине, – напевала ему одна из чудных дев, и с этими словами, рассеяв одним движеньем руки вокруг себя густой туман, она явила перед ним просторную горную лужайку, всю пестревшую такими чудными цветами, каких никогда еще не видывал он; среди же этой зеленой лужайки красовалась сплетенная из роз прелестная пастушья хижина, а рядом с нею, искрясь на солнце и влажной пылью орошая зеленевшую кругом мураву, ключом бил прохладный родник.

– Пойдём, пойдём, там будем мы жить с тобою, – звала его сладкозвучная красавица.

– Нет, нет, ты иди ко мне, – перебила её другая из них и, говоря это, на его глазах воздвигла из туманных клубов светящееся здание, которое, искрясь и сияя в солнечных лучах, переливалось всеми цветами радуги. Все было уютно и мягко внутри этого дома, как будто и стены его и пол были сотканы из самой тонкой волокнистой шерсти; с потолка же одна за другого падали крупные капли, и, упав, каждая из этих капель порождала либо цветок, либо травку.

– Здесь поселимся мы с тобой, – сулила ему чародейка. – Я облеку тебя в такой же наряд, в каком красуюсь я сама! – и, сказав это, она обвила ему и голову, и шею длинною цепью из алмазных капель.

Но Ионель одним движением нетерпеливо стряхнул их с себя.

– Только одной женщине принадлежит право наряжать меня: невесте моей, – мрачно проговорил он.

– В таком случае твоей невестою хочу быть я! – прозвучал голос третьей. – Гляди, вот мое приданое! – и, вздымая мелкими клубами туманные массы, она начала превращать их в овец, число которых, быстро увеличиваясь, вскоре покрыло собою не только одну эту гору, но и соседние и даже самый небосклон. Ослепительною белизной отличались красивые эти овцы с золотыми и серебряными бубенчиками на шее; из-под копыт же их зеленела трава.

Лицо молодого пастуха на минуту было просветлело. Но затем, движением руки оттолкнув от себя соблазнительную картину, он сказал:

– Есть у меня только одно стадо, мое собственное, и никаких других стад иметь я не желаю.

После этого туман вокруг него стал еще более сгущаться и темнеть, и скоро Ионель увидал себя окружённым черными грозовыми тучами. Еще одно мгновение – и засверкала молния; вдали раздались раскаты грома, и среди этих раскатов молодой пастух услыхал голос, говоривший:

– За то, что осмелился ты, дерзкий человек, выказать нам свое пренебрежение, мы обрекаем тебя на гибель!

Тут грянул новый удар грома, но с таким оглушительным треском, что казалось, будто вся гора должна от него потрескаться и рассыпаться. Однако же, после этого страшного удара гроза пронеслась дальше, по направлению к долине, между тем как на Ионеля стал падать снег, сперва небольшими редкими снежинками, но затем, повалив все более и более частыми и крупными хлопьями, вскоре покрыл все горы, а с ними и черные кудри, и красивое лицо Ионеля, пушистой снежной пеленой.

Однако через насколько минут среди этой снежной метели вдруг еще раз раздались какие-то неземные звуки, среди которых Ионелю чудились порою то флейта, то альпийский рожок, то какое-то необыкновенно благозвучное пение, а вместе с тем перед глазами его встал нечеловеческими руками сооруженный дворец, до того блестящий и лучезарный, что молодой пастух, поражённый этим блеском, невольно закрыл глаза. Когда же он опять их открыл, то увидал, что в чудном дворце этом собрались целые мириады ярких звёзд с луною во главе, которая, восседая на мягком возвышении, любовалась ими, смотря, как они, то сплетаясь длинной вереницею, то рассыпаясь отдельными кругами, плясали хору. И чем больше темнел небосклон, тем больше звёзд прибавлялось в лучезарном дворце, и каждый раз как мигала луна, та или другая звёздочка спешила слететь с небесной тверди во дворец.

Промеж этих звёзд были и самые мелкие, которые точно дети, катились кубарем и развились, играя у ног луны. Другие же, напротив, выступали очень плавно, величаво волоча за собою длинный, предлинный шлейфа, длиною с Бучдеш и светящейся лентой обвивавшей собою горные вершины. Хвост этот несли далее миллионы крошечных звёзд в лучезарном одеянии, в сияющих венках и блестящих коронах. Сами собою расширялись ворота замка, при каждом появлении которой либо из таких крупных звёзд, а одна из них, вступив в чертог, приказала луне сойти с возвышения и служить ей. Затем, поманив к себе Ионеля, звезда эта сказала:

– Пойдём со мною, дитя Земли! Твоею подругой неразлучной стану я, и будешь ты со мною вместе носиться по Вселенной. Мои звёздочки будут, тебе слугами, а сам ты, как звезда самосветящаяся, будешь утопать в сиянии.

Между тем Ионель. сам того не замечая, приблизился к входу в сияющий чертог и тут, очарованный, остановился, прислушиваясь к обольстительным речам, который лились под звуки стройного мелодичного хорового пения звёзд. Но вдруг на него глянула Луна и своим взглядом так живо в эту минуту напомнила

ему Ирину, что он, схватившись за сердце, поторопился воскликнуть:

– Если бы даже и весь мир лежал у ног моих, то и его отнёс бы я моей Ирине в дар!

Как только он проговорил эти слова, со всех сторон поднялся шум, грохот и страшная трескотня. Звезды, шумя, понеслись бесконечно длинною вереницею обратно вверх к небесам; дворец распался, и под развалинами его был погребён Ионель, между тем как с высоты печально взирала на эти груды обломков бледная луна.

Тем временем, горные духи, маленькие гномы, услыхав у себя над головою этот страшный треск и грохот, поспешили выкарабкаться из недр гор и взобраться наверх, чтобы удостовериться, не грозит ли их обители какая-либо опасность. Но тут они наткнулись на громадную груду обломков, состоявшую из одних драгоценных каменьев, и обрадованные драгоценной находкой, принялись прилежно собирать самоцветные камни, которые перетащили затем во внутрь горы, где сложили под высокие массивные каменные своды. Подбирая таким образом обломки дворца, маленькие гномы нашли бедного Ионеля, который до того поразил их своею красотою, что они почувствовали к нему жалость и, убедившись, что жизнь еще не совсем покинула его, перетащили и его, хотя и с большим трудом, в свою подземную обитель, где заботливо уложили на свежий мягкий мох.

После этого гномы, притащив воды из своих холодных и горячих источников, вымыли его и затем перенесли на берег громадного многоводного озера, питающего своими водами все земные реки и моря, ручьи и озера. Тут они его погрузили в воду, и Ионель, с первого же раза как окунули его добрые горные духи в это озеро, открыл глаза и, совершенно здоровый и бодрый, долго с удивлением смотрел вокруг себя.

Удивление молодого пастуха было весьма понятно. Над головой его, образуя неизмеримо высокий блестящий свод, слоями лежали одна над другой громадные каменные глыбы различных горных пород; внизу у ног его расстилалось бесконечно широкое озеро, ни конца, ни края которого не видать было, словно наполняло оно собою всю внутренность земного шара; а вокруг него, суетясь, бегали, карабкались, лазили и копошились тысячи и тысячи гномов с длинными бородами и огоньками, светившимися у которых на голове, у которых около пояса. Двигаясь длинными вереницами, большинство этих горных

духов переносило драгоценные камни и, обмыв их в озере, от чего камни начинали блестеть ещё пуще, складывали отдельными грудами под своды. Иные же из них, причалив к берегу на плотах, выгружали камни совершенно неизвестных пород, тогда как некоторые другие, нагрузив плоты как бы для далёкого плавания, напротив, отчаливали от берега.

Не взирая на беготню, суматоху и шум, ни на минуту не прекращавшиеся под массивным сводом и вскоре совершенно оглушившие Ионеля, и на беспрестанное мельканье многих сотен огоньков, от чего в глазах у него зарябило, вся эта толпа подземных горных карликов, казалось, в точности знала, что ей надо было делать, за исключением, однако же, тех нескольких гномов, что стояли около молодого пастуха и положительно не знали, что им с ним делать.

Но вот Ионелем внезапно овладело непреодолимое желание уйти вместе с собиравшимися отчалить гномами в неведомую для него даль и, рванувшись вперёд, он подбежал к одной из тех плоских ладей, что стояли у берега, совсем готовые к отплытию. Но в эту минуту из глубины озера показалась очаровательно красивая женщина, имевшая поразительное сходство с Ириною, и протянула к нему свои объятия.

– Ирина! – воскликнул Ионель и готов был уже броситься к ней в воду, как вдруг двадцать сильных рук удержали его на берегу, между тем как чьи-то другие, не менее сильные руки принялись очень усердно осыпать его побоями. Видя, однако, что красавица всё продолжает нежно манить его к себе, Ионель начал всеми силами от них отбиваться. Но схватившие его гномы держали его крепко и не выпускали. В своей ярости они уже было принялись даже побивать его камнями. Однако же тут из толпы гномов отделился один с короною на голове и, выступив вперёд, властным голосом приказал им остановиться, а затем обратился к Ионелю:

– Ты ошибаешься, Ионель, – сказал он ему. – Твоей невесты здесь нет. Женщина эта – моя суженая, и уже не один год жду я её к себе.

При этих словах красавица капризно нахмурилась, что чрезвычайно было ей к лицу, и затем, погрозив пальчиком, нырнула обратно в волны. Король вздохнул, вздохнул и Ионель, а за королём, как добрые верные подданные, вздохнули и все остальные гномы, причём камней, однако же, из рук не выпускали, держа их наготове на тот случай, если бы последовало решение предать молодого

пастуха смертной казни.

Но король, пожалев красавца, приказал, прежде всего, скорее омыть ему раны, из которых ручьём текла кровь, водами горных целебных источников, а затем отвести его – помолодевшим и похорошевшим – обратно на ту горную вершину, на которой был он найден. При прощании же он ему сказал:

– Тяжелый совершил ты, Ионель, проступок, изменив своему долгу в угоду красивой женщине. Прекрасен и велик твой подвиг преданности и любви; но – увы! – его затмила измена, и как бы ни было для меня понятно то чувство, что побудило тебя на такую измену, однако же избавить тебя от того наказания, которое ждёт тебя, не в моей власти.

Удрученный тяжёлым предчувствием, вступил Ионель на пустынную горную вершину, вокруг которой носились зловещие черные тучи и неистово ревела и шумела буря.

С каждой минутой крепчал ураган, неистово свирепствуя, словно желал низвергнуть бедного скитальца с высоты горной вершины в пропасть и таким образом превратить в бесчисленное множество атомов, и Ионель, крепко уцепившись руками за скалистый выступ и блуждающим взглядом озираясь во все стороны, стоял в ожидании увидать перед собою появление каких-либо новых вражьих сил, новых опасностей, новых искушений. Но вдруг ему почудилось, будто буря начинает его клонить всё более и более к земле, будто разрывает она ему сердце на куски, будто умирает он с горя и тоски. Тут он еще крепче ухватился за выступ; но и скалистый выступ под его напором, казалось, начинал уступать.

И в эту минуту еще раз послышались ему среди завываний расходившейся бури то ласковые и нежно его манившее призывы, то суровые угрозы, изрезавшиеся то одним голосом, то разом многими голосами. Затем в ушах прозвенело несколько оглушительных ударов тромбона, от которых в голове его произошло сильное сотрясение и, вдруг, вся его пламенная любовь к Ирине превратилась в жгучую, непримиримую ненависть к ней за то, что послала она его с улыбкой на устах навстречу верной смерти. Конечно, он выдержит и, верный своему слову, останется здесь до конца! Но зато же и с каким презрением и навсегда распрощается он с бессердечной красавицей, когда с наступлением весны спустится, наконец, в долину! Видно не судила ему судьба иметь жену по сердцу, и потому отныне он посвятит все свои заботы одним лишь стадам своим,

так малодушно им покинутым!

Тут из глубины того скалистого утеса, за который он цеплялся, раздался вдруг густой звучный голос:

– Мне принадлежишь ты, о, юноша, и нет для тебя возврата! В моих объятьях останешься ты навсегда.

При этом скала превратилась вдруг в женщину колоссального роста, которая, заключив Ионеля в каменные свои объятья, каменными устами припала к его устам.

Весь похолодев от страха, молодой пастух, было сделал попытку вырваться, убежать – и не мог!

– Кто ты такая? – с ужасом спросил он ее. – Неужели весь ад сговорился погубить меня? Кто же ты, если только ты не сама Вельва?

Но тут каменное чудовище превратилось опять в утёс, и из глубины его, покрывая собою и свист и завывание бури, прозвучали слова:

– Я тоска-кручина, и моим стал ты отныне и навеки, ибо последние лобзавшие тебя уста были моими устами!

В эту минуту буря вдруг стихла, и яркий солнечный луч, взглянув из-за расходившихся туч, упал на бледное истомленное лицо молодого человека, который, опираясь на длинный альпийский пастуший рожок, неподвижно стоял, устремив свой неподвижный взгляд вниз в долину, в ту сторону, где протекает Дунай. Он не дышал, этот человек, не двигался, и биение сердца не вздымало рук, скрещённых на груди, и только порою чуть заметное вздрагивание черных длинных ресниц свидетельствовало, что жизнь еще не совсем его покинула. А между тем вокруг него всё начинало пробуждаться: все заколыхалось, зашевелилось, ожило. Тая, потекли ручьями и снега и льдины, а из-под них, зеленея, стала пробиваться молодая травка. Но всё также неподвижно продолжал стоять Ионель. Стряхнув, с себя сухие листья, лес распух, покрылся молодыми почками, слегка зазеленел. Но и этого Ионель, казалось, не заметил.

Но вот до горной вершины стали доноситься и веселое щебетанье пташек, и журчание горных ручейков под тёплым весенним дождём. Однако и к этому остался глух Ионель. Тщетно собралось вокруг него, чтобы его разбудить, все живое: словно окаменелый, продолжал он стоять всё также неподвижно и всё также пристально смотрел только вниз, в долину, туда, где синел Дунай.

Но вдруг лицо его оживилось, в глазах блеснул радостный огонёк, на щеках выступил чуть заметный румянец и, протянув руки и вытянув шею, он начал прислушиваться к позвякиванию приближавшихся бубенчиков, к лаю знакомых овчарок. Ещё минута – и он разглядел свое стадо! Тут, схватив свой пастуший рожок, он уже было поднёс его к губам, чтобы сыграть ему привет, как вдруг хватился за сердце и с восклицанием: «Умираю!» – замертво свалился на землю.

И сколько ни лизали ему руки и ноги его верные псы, – и как жалобно не блеяла над ним, любимая его миоритца, – как ни окликали его, называя по имени, товарищи его пастухи, он все также неподвижно продолжал лежать с застывшею на устах блаженною улыбкой, и лежал, не шевелясь и никому ничего не отвечая. Тут же рядом с ним лежал сломанный альпийский его рожок. Но ничто вокруг него не сохранило и тени каких-либо следов той душевной борьбы и тех нравственных мук, какие вынес молодой пастух. Тело его схоронили на том же самом месте, где было оно найдено, и с тех пор вершина эта называется Вирфул ку Дор – вершиною тоски-кручины.

Уж не раз восходила я на эту вершину и видела могильный его холм, а также и то, что по склонам горы и поныне все также пасутся стада овец.

Фурника

Когда-то очень давно жила на свете молодая девушка, по имени Фиорика, очень красивая, грациозная, и при этом необычайно трудолюбивая. Ее белокурые волосы – длинные и волнистые – отливали золотом; глаза были голубые, на щеках играл нежный румянец, ротик напоминал собою спелую вишню, и что тростинка, был гибок и тонок ее стройный грациозный стан. Уже одним своим видом она на всех производила самое приятное и отрадное впечатление, и не

столько своею красотою и миловидностью, сколько примерным своим трудолюбием. Так, отправляясь с кувшином на голове к колодцу за водою, она почти всегда брала с собою свою прялку и дорогой пряла. Была она мастерица и ткать, и вышивать. Одним словом, руки у неё были золотые, и во всей деревни вряд ли нашлась бы та молодая девушка, которая могла бы похвалиться, что узор вышивки ее рубашки красивее и богаче, и шире оплечья.

Свою праздничную одежду, как и праздничные чулки, она украсила широкой вышитой разноцветными шелками гирляндой цветов. Маленькие красивые ручки ее постоянно были заняты тем или другим рукоделием. И с таким же прилежанием, с каким работала она дома, работала она и в поле и на лугах, и молодые деревенские парни зачастую любовались прелестною Фиорикой, обещавшею стать со временем примерною хозяйкою. Но Фиорика не обращала на них ни малейшего внимания и о замужестве не только не помышляла, но даже и слышать об этом ничего не желала. Ей было некогда об этом думать, – говорила она, – так как прежде всего она была обязана заботиться о своей старушке матери.

А между тем сама старушка мать заметно хмурилась при этом и уже не раз пыталась втолковать своей дочери, что хороший работящий зять был бы в доме подходящей поддержкой. Фиорику такие разговоры матери обыкновенно очень огорчали и тогда она ее спрашивала, неужели же сама она так мало полезна в доме, что матери её кажется необходимым ввести в дом мужчину.

– Мне же думается, что с этими мужчинами только одни лишние заботы и хлопоты, – говорила молодая девушка. – Ведь тогда придется нам и на него и прясть, и ткать, и мыть, и шить, и как же успеть нам тут управиться с полевыми работами?

При этих словах дочери мать, бывало, тяжело вздохнёт, вспомнив умершего своего сына, которому бывало, нашивала столько красивых рубашек и мыла их всегда до такой ослепительной белизны, что молодые девушки, глядя на ее молодца, только заглядывались. И никогда-то не роптала она, что много у неё работы!

Но, конечно, на то была она и мать, чтобы всё делать и никогда не жаловаться на усталость!

А между тем уже не далеко было то время, когда Фиорике пришлось на горьким опыте убедиться, насколько права была ее мать в своем желании поскорее иметь у себя в доме доброго работящего зятя, как будто старушка предчувствовала, что жить ей на свете оставалось недолго. Вскоре она стала прихварывать, слабеть и хиреть, и когда наступил час ее смерти, дочь ее при всей своей горячей любви к ней, не в состоянии была отсрочить этого часа.

Закрыв глаза горячо любимой матери, молодая девушка осталась совершенно одинокая на свете, и теперь совсем одна сидела в опустелом доме, впервые праздно сложив руки. Для кого было ей теперь работать? Ведь более никого у неё теперь не было.

Как-то раз, пригорюнившись, она сидела на пороге своего стройного домика и рассеянно смотрела куда-то вдаль, как вдруг заметила, что к ней ползёт по земле что-то чёрное, длинное. Она начала вглядываться и вскоре разглядела, что это был длинной полосой подвигавшийся к ней рой муравьёв. Но откуда шёл этот рой – этого разглядеть она не могла, до того велико было покрытое им пространство. Но вот шествие остановилось, и муравьи, разместившись широкими полукругом, стали перед Фиорикой. Немного погодя некоторые из них выступили вперед, и, обратившись к молодой девушке, повели с ней такую речь:

– Хорошо знаем мы тебя, Фиорика, и не раз восхищались твоим трудолюбием, нисколько не уступающим нашему собственному, чего часто замечать среди людей нам не случалось. А также нами хорошо известно и то, что нет у тебя на свете ни родных, ни родственников, а потому и пришли мы к тебе с просьбою последовать за нами и стать нашей королевой. Мы выстроим для тебя такой дворец, который будет в сто раз великолепнее и просторнее всех тех больших домов, какие ты когда-либо видывала на своём веку. Но только ты должна сперва дать нам обещание никогда более не возвращаться к людям, а до конца своей жизни жить с нами.

– Хорошо! Я согласна, и с удовольствием последую за вами и буду у вас жить, – отвечала Фиорика, – так, как здесь ничто меня не держит, кроме только одной могилы – могилы моей матери. Но только я эту могилу должна непременно навещать, чтобы приносить бедной моей маме и цветы, и хлеба, и вина, и у неё на могиле помолиться за упокой ее души.

– Бывать на могиле матери мы тебе запрещать не станем. Но и при этом ты все-таки обязана будешь ни с кем из людей по дороге не говорить; ибо если ты

станешь вступать с ними в разговоры, то, наверное, изменишь нам; месть же наша будет ужасна.

Таким образом, последовала Фиорика за муравьями, и долго шли они, не останавливаясь, пока, наконец, дошли до такого места, которое было признано муравьями вполне удобным для сооружения дворца для вновь избранной ими королевы. При этом Фиорика, следя за постройкой возводимого ими здания, убедилась, насколько и искуснее и проворнее неё работали эти маленькие насекомые. Могла ли она когда-либо быть в состоянии с такою неимоверною быстротой соорудить столь сложное здание? Тут были многоярусные длинные галереи, как наружные, так и внутренние, из которых первые вели в просторные внутренние помещения, а вторые в те, что, находясь в самой середине здания, отведены были для личинок, которые заботливо то выносились муравьями на солнце, то не менее заботливо и торопливо уносились ими обратно в свои помещения при малейшем намёке на приближение дождя. Все кельи были очень красиво убраны разноцветными цветочными лепестками, прикреплёнными к стенам с помощью сосновых или еловых игл, и сама Фиорика очень скоро научилась у них ткать паутинную ткань, из которой потом делали шатры и навесы.

Быстро поднималось здание все выше и выше. Помещение, предназначавшееся Фиорике, отличалось такой изумительною красотою, какая даже и во сне никогда не грезилось ей. В комнату эту вело бесчисленное множество ходов, что давало молодой королеве возможность очень быстро получать известия вообще от всех своих подданных. Пол в коридорах, упиравшихся в эту комнату, был всюду устлан слоем красных маковых лепестков, дабы ноги королевы касались одних лишь пурпуровых ковров. Лепестки роз, прикреплённых к паутинной пряже и бесшумно задвигавшиеся и раздвигавшиеся, заменяли собою двери. Поль в самой комнате королевы был устлан цветами эдельвейса – суешницы – и представлял собою один сплошной мягкий бархатный ковёр, в котором разутые ножки прелестной Фиорики приятно утопали. Всякая обувь была бы здесь не только совершенно бесполезна, но еще и крайне неудобна, так как, ходя обутая, Фиорика непременно очень скоро помяла бы все эти пушистые, сотканные из цветов, ковры. Всюду по стенам красовались гирлянды, искусно сплетенные из незабудок, гвоздики, ландышей, и цветы эти беспрестанно сменялись свежими, отчего воздух был всегда полон свежести и чудного аромата. Потолок же в этой комнате был задрапирован лепестками лилий, наподобие шатра; что же касается постели, то трудолюбивые муравьи, проработав над ней несколько недель, устроили для своей новой королевы ложе из чистейшей цветочной пыли, которую сверху покрыли одною из тех паутинных тканей, что были сотканы

самой Фиорикой. И, действительно, отдыхая, погруженная в сладкий безмятежный сон, на этом ложе, юная королева казалась так дивно хороша, что к ней, наверное, слетели бы с неба звёздочки, если бы только удалось им увидать ее. Но дело в том, что муравьи не без умысла устроили эту комнату в самой глубине здания и здесь до того ревниво и ревностно оберегали свою возлюбленную королеву, что даже самим себе никогда не позволяли входить к ней в то время, как почивала она, либо просто отдыхала.

Трудно было бы придумать жизнь более прекрасную и складную, чем та, что велась среди муравейника. Каждый муравей в отдельности, как и все они, сообща стремились наперерыв друг перед другом приносить своим трудом возможно большую пользу всей вообще общине и этим угодить и больше понравиться трудолюбивой своей королеве. Каждое её приказание выполнялось ими с быстротой молнии, потому что и сама Фиорика никогда многого зараз не требовала, да к тому же и каждое ее требование было всегда разумно и высказывалось ей кротко и ласково, скорее, как дружеский совет или мнение. В награду же за их усердие она всегда их дарила ласковым взглядом своих ясных очей.

Не раз говорили муравьи, что в темной обители их, с тех пор как жила у них Фиорика, поселился луч солнца, и всегда очень ценили и высоко превозносили выпавшее на их долю счастье. Они устроили для Фиорики особую террасу, чтобы имела она возможность, выйдя на нее, наслаждаться открытым воздухом и солнечным сиянием в том случае, если бы в комнате ей почему-либо показалось душно и тесно. К тому же с этой террасы королева их могла любоваться их постройкой, которая к этому времени уже успела сравняться с любым холмом умеренной высоты.

Как-то раз Фиорика сидела в своей каморке и шелковой пряжей гусеницы, которую натаскали ей муравьи, вышивала себе платье, на которое в виде отделки нашила пёстрые крылышки различных лесных мотыльков. Только ее тонкие и искусные пальчики и были способны успешно справиться с такою тонкою работою!

В это время около муравейника послышался вдруг какой-то страшный шум, похожий на гул многих голосов. Мигом всполошилось маленькое государство и не прошло минуты как муравьи, встревоженные, уже вбежали к своей королеве.

– Наш дом разрушают! – доложили они ей. – В нём роются злые люди. Две, а не то даже и три галереи совсем уже разрушены; такая же участь грозить и всем остальным. Скажи, что нам делать?

– И вся-то беда только в этом? – очень спокойно спросила их Фиорика. – Успокойтесь, друзья мои! Я сейчас положу этому конец; что же касается разрушенных галерей, то их дня через два мы выстроим вновь.

И сказав это, она быстро побежала по целому лабиринту ходов, так что через минуту совершенно неожиданно появилась на своей террасе, откуда увидала очень красивого юношу, который, спешившись, стоял с некоторыми из своих спутников около высокого муравейника и очень усердно разрушал его с помощью копья и меча. Однако же при ее появлении все они почему-то поспешили прекратить свое дело разрушения; после чего прекрасный юноша, как бы ослеплённый чем-то, ладонью прикрыл себе глаза и принялся любоваться чудным лучезарным видением в белом блестящем одеянии. Длинные золотистые волосы роскошною волною покрывали Фиорику до самых пять; на щеках алел нежный румянец; как звёзды сверкали и искрились ее голубые глаза. Заметив устремленный на нее пристальный взгляд юноши, она на минуту было потупилась; но затем смело подняла веки и звонким властным голосом спросила:

– Кто вы такие, осмелившиеся дерзкою рукою прикоснуться к моему государству?

– Прости, прелестное видение! – воскликнул очарованный юноша, – и поверь моему слову рыцаря и королевича, что отныне я верный и ревностнейший твой защитник! Мог ли я когда думать, чтобы государством этим правила такая восхитительная чародейка!

– Благодарю! – отвечала Фиорика. – Но ничьих услуг и ничьей защиты, кроме услуг и зашиты верных моих подданных, мне не надо, и желаю я только того, чтобы никогда ничья человеческая нога не вступала в пределы моих владении.

Проговорив эти слова, Фиорика скрылась, словно проглотил ее муравьиный холм, и те, что остались стоять перед муравейником, не видали, с какою восторженною любовью целые рои муравьёв целовали ей ноги и с каким энтузиазмом проводили они её до самой опочивальни, войдя в которую, молодая девушка принялась опять за свою работу так же спокойно, как-будто ничего

особенного не произошло.

А между тем молодой королевич, погружённый в глубокую задумчивость, всё ещё стоял перед высоким муравейником, и долго ещё спутники его никак не могли уговорить его сесть на коня и уехать. Прекрасный юноша всё надеялся, что прелестная королева опять появится на террасе, и он ещё раз увидит ее! Однако надежде его на этот раз не суждено было сбыться, и только одни муравьи, суетясь и бегая целыми роями то взад, то вперёд, как угорелые сновали перед ним, спеша исправить те повреждения, что причинил он им в порыве юношеского самомнения и молодеческой заносчивости. В своей досаде он с удовольствием раздавил бы их всех, ибо вопросов его они, по-видимому, не понимали, – а может статься, даже и слушать их не желали, – и очень спокойно продолжали себе в сознании своей безопасности храбро шнырять мимо самых его ног. Однако же, наконец, он сел, тяжело вздохнув, на коня и в раздумье, как бы ему овладеть очаровательнейшей молодой девушкой, какую он когда-либо видел, прорыскал до глубокой ночи по лесу к величайшему неудовольствию сопровождавшей его свиты, которая, вспоминая тем временем о вкусном, ожидавшем ее дома ужине, а вместе с этим и о чарке с вином, очень усердно проклинала и посылала ко всем чертям как самый муравьиный холм, так и его красавицу-королеву.

И в этот вечер Фиорика, как и всегда, улеглась на отдых гораздо позднее, чем большинство ее подданных. Имея обыкновение лично наблюдать за личинками и следить за тем, чтобы постельки их были достаточно мягки, она и на этот раз обошла со светлячком на пальчике одну за другою все ячейки и заботливо осмотрела будущий рой. Затем, вернувшись к себе в опочивальню, она отпустила всех светляков, которые в продолжение нескольких часов подряд светили ей при ее обходе, и только одного из них оставила при себе на то время, пока будет раздеваться.

До сих пор Фиорика всегда очень скоро засыпала здоровым и крепким сном. Но в эту ночь она почему-то долго еще уснуть не могла и беспокойно металась на постели. По временам, она вскакивала, но затем опять ложилась, нетерпеливо откинув назад длинные пряди своих густых волос, и было ей так нестерпимо и душно, и жарко! Ни разу еще с самых тех пор, как поселилась она в этом муравейнике, не замечала она, чтобы в государстве ее было так мало воздуха, и со удовольствием выбежала бы она в эту минуту куда-нибудь в поле, или в лес. Но побоялась, как бы муравьи, проведав о такой ночной прогулке ее, не заразились дурным её примером. Ведь уже сколько раз приходилось ей по

настоянию самих же муравьёв произносить тот или иной строгий приговор против тех из них, что бывали уличаемы в неповиновении тем или другим правилам дисциплины, и осуждать виновных в запрещенных ночных прогулках вне черты государства на изгнание из общины, а в некоторых случаях даже и на смерть, причём она всегда была вынуждена присутствовать при их казни и видеть, как безжалостно их убивали их же собственные сограждане.

Однако на следующее утро Фиорика, не взирая на беспокойно проведенную ею ночь, была первая опять на ногах и немало удивила и обрадовала своих подданных, тем, что сама и совершенно заново выстроила одну из разрушенных галерей, причем, однако же – хотя и совершенно невольно, а быть может даже и сама того не замечая – несколько раз заглядывала в лес, и не только заглядывала, но по временам, принималась даже и прислушиваться.

Но едва успела она вернуться к себе в комнату, как к ней, сильно встревоженные, вбежали некоторые муравьи.

– Вчерашний злой человек опять сюда явился и опять разъезжает вокруг нашей горы! – доложили они ей.

– Ну, что же! Пусть себе катается! – внешне совершенно спокойно промолвила им в ответ Фиорика. – Никакого зла он нам не сделает.

А между тем сердце молодой девушки билось так сильно и тревожно, что только с трудом смогла она проговорить эти слова.

С этого дня Фиорикой овладело какое-то никогда еще неиспытанное ею беспокойно-тоскливое чувство. Чаще прежнего стала она бродить по муравейнику; всё находила, что личинкам недовольно солнца и воздуха, и сама принималась выносить их под открытое небо, чтобы тотчас же опять внести обратно в муравейник. Наконец даже и в распоряжениях ее с некоторых пор стало нередко замечаться какое-то небывалое противоречие. Бедные муравьи недоумевали, что сталось с их королевою, и пуще прежнего, старались всячески угодить ей. Так, в надежде обрадовать ее, они, между прочим, соорудили без ее ведома новую и весьма грандиозную постройку с высокими сводами. Но Фиорика к их величайшему огорчению еле удостоила взглядом это новое произведение их архитектурного искусства. А между тем около муравейника в любой час дня слышался конский топот; хотя Фиорика в продолжение нескольких дней вовсе

не выходила на террасу.

В это время на неё напала такая страшная тоска по ближним, какой она никогда еще не знавала, и при этом ей невольно лезли в голову различные воспоминания о родном селе; припомнились и веселая пора, и мирные вечера за прялкой в родном домике. Чаще прежнего стала она думать о покойной своей матери и вспомнила о ее могиле, которую с тех пор, как поселилась она в этом муравейнике, так ни разу и не навестила.

Дня через два или три она объявила своим подданным о своём намерении побывать на могиле своей матери, причём муравьи тревожно спросили ее, уж не перестало ли ей нравиться у них, и не оттого ли вспомнила она о своей родине?

– О, нет! Успокойтесь! – ответила Фиорика. – Ведь только на несколько часов уйду я от вас и до наступления ночи буду опять здесь среди вас.

Получив от своей королевы приказание, не провожать ее, муравьи только в очень небольшом числе последовали за ней и то издали и так, чтобы она не могла их заметить.

Когда Фиорика вошла в родное село, всё здесь показалось ей ужасно изменившимся, из чего она заключила, что прошло немало времени с тех пор, как она ушла отсюда. Она начала рассчитывать, сколько приблизительно времени должны были употребить муравьи, чтобы выстроить ту большую гору, в которой она теперь жила, и пришла к заключению, что на это ушло, вероятно, несколько лет. Отыскать могилу своей матери она никак не могла, до того густо заросла эта могила травою, и бедная Фиорика долго бродила по кладбищу, горько плача от сознания, что даже и здесь стала она чужою. Уже начинало вечереть, а между тем Фиорика всё ещё продолжала искать дорогую ей могилу, как вдруг вблизи от неё раздался голос королевича. Она, было, хотела убежать, но юноша схватил её за руку и, не выпуская, начал говорить ей о своей пламенной любви к ней и говорил так нежно, ласково и убедительно, что молодая девушка, склонив головку и затаив дыхание, невольно заслушалась. Ей было так невыразимо отрадно снова слышать человеческий голос, внимать словам любви и уверениям в преданности и дружбе! И только тогда, как уже совсем стемнело, проснулось в ней сознание, что она не сирота покинутая, а не помнящая своих обязанностей правительница, и тут же вспомнила она запрещение муравьев, вступать в какие бы то ни было разговоры с людьми, и, вспомнив это, поспешила убежать от королевича. Он же, продолжая напевать ей

ласковые речи, последовал за ней почти до самого муравейника. Тут она упросила его оставить ее и удалиться, на что юноша согласился, однако же, не прежде, как взяв с неё слово на следующий день вечером прийти опять на кладбище.

Осторожно, крадучись, пробиралась она ощупью по длинным подземным проходам, поминутно боязливо озираясь, ибо ей всё чудилось, будто вокруг неё нет-нет да и раздастся вдруг то лёгкий шелест, то шуршание проворных крошечных шагов. Однако же то было не более, как учащённое страхом биение ее собственного сердца, так как каждый раз, как она приостанавливалась, всё тотчас стихало. Но вот добралась она, наконец, до своей комнаты и тут в изнеможении упала на кровать. Однако уснуть она еще долго не могла. Она понимала, что изменила своему слову, и не могла не сознаться, что, нарушив святость обещания, утратила всякое право на уважение.

Беспокойно металась бедная Фиорика, раздумывая, как ей поступить и на что решиться. Ее гордому прямому нраву была противна всякая скрытность, а между тем она знала муравьёв и как неумолимо строги и суровы были их наказания. Не раз привставала она на своей постели и, опершись на локоть, начинала прислушиваться, и каждый раз ей казалось при этом, будто всюду вокруг неё происходит какая-то торопливая возня, беготня и шуршание многих тысяч крошечных ног, как-будто весь муравьиный холм превратился вдруг в нечто живое.

Почувствовав приближение утра, Фиорика встала и приподняла одну из сотканных из роз портьер с намерением скорее выйти из муравейника и подышать свежим воздухом. Но каково было ее изумление, когда она увидала, что выход этот наглухо заделан еловыми иглами. Она бросилась было к другому, к третьему, четвертому и так один за другим обошла их все, но напрасно: все выходы до последнего оказались плотно заделанными до самого верха. Тут она начала громко кричать, и – глядь – на зов ее из бесчисленного множества незаметных для простого глаза щелей и отверстий целыми роями приползли к ней муравьи.

– Я желаю выйти на воздух, в поле! – строго заявила она им.

– Нет, королева, под открытое небо мы тебя не пустим, – отвечали ей муравьи; – чего доброго уйдешь ты от нас!

– Стало быть, вам более не угодно повиноваться мне?

– Нет, мы охотно будем по-прежнему повиноваться тебе во всём, но только не в этом. Воля твоя, и ты можешь в наказание топтать нас ногами; все мы согласны во имя общего блага и чтобы спасти честь нашей королевы пожертвовать своею жизнью.

Фиорика виновато опустила голову, и из глаз ее ручьём покатились слезы. Она просила и умоляла муравьёв отдать ей назад её слово, возвратить свободу. Но на все ее просьбы и мольбы строгие маленькие блюстители закона отвечали лишь гробовым молчанием, и не более как через минуту Фиорика увидала, что осталась совершенно одна в своей темной каморке.

О, как горько плакала бедная девушка, как тяжело вздыхала и горевала! Однако когда она сделала было попытку своими нежными пальчиками проложить себе дорогу к выходу; то очищаемое ею пространство моментально опять заполнялось, так что она пришла, наконец, в отчаяние и, рыдая, бросилась на землю.

Муравьи часто приносили ей для утоления ее жажды и росинки и капли сладчайшего цветочного сока, но ко всем ее просьбам и мольбам оставались, по-прежнему, неумолимо глухи. Однако же из опасения, что стоны и рыдания молодой девушки чего доброго будут услышаны извне, муравьи принялись строиться все выше и выше и таким образом воздвигли гору высотою с Вирфул ку Дор, и горе этой люди дали название Furnica – Муравей.

Уже давным-давно перестал разъезжать молодой королевич верхом вокруг этой горы, а между тем плач Фиорики и поныне слышится в тишине ночной.

Пиатра Арса

Горда и надменна была прекрасная Пауна, очень горда и самолюбива! Недаром же природа наделила её такими большими тёмными глазами с чёрными, острым углом начинавшимися, прямыми бровями, да и носом орлиным. Правда, рот у неё

был несколько велик, но с чрезвычайно красивым разрезом губ, промеж которых, каждый раз как смялась она или говорила, сверкал двойной ряд блестящих белых и ровных зубов. Над красивым белым лбом короною лежали чёрные толстые косы, и народ, любуясь горделивой осанкой статной красавицы с широкими плечами и ее твердою смолою походкой, со слегка откинутой назад головою, шутя, величал ее царевною.

Однако же не настолько была горда красавица Пауна, чтобы не повернуть головы, когда мимо неё проходил Таннас, или не слушала его речей, когда заговаривал он с нею в хоре. Со всем тем каждый раз как тот или другой из деревенских парней принимался поддразнивать ее Таннасом, на щеках ее вспыхивал сердитый румянец, и она спешила резким и колким ответом оборвать дерзкого.

Не без зависти посматривало на Таннаса большинство из деревенских парней и в особенности с тех пор, как стало известным, что помолвка его с красавицею Пауной дело совсем решённое. Но тут в стране вдруг разгорелась война, и пришлось Таннасу отправиться вместе с войском на Дунай. Никто при этом однако же не видел, чтобы Пауна плакала: гордая красавица умела при людях глотать слезы; – а всплакнула ли она или нет раз-другой украдкой – об этом спросить ее никто не посмел.

Пауна всегда умудрялась устроить так, чтобы быть одной из первых, получавших в селе те или другие вести с театра военных действий и, прислушиваясь к различным слухам и толкам о первых боевых стычках, сильная и гордая Пауна уже не раз бывала принуждена прислониться к каменному кресту, что стоял на краю деревни, так сильно стучало сердце в груди бедняжки и кружилась голова! По ночам ей зачастую не спалось, и нередко принуждена бывала она не гасить у себя огня, чтобы в темноте не мерещились перед глазами страшные видения, рисовавшие ей Таннаса раненым, истекающим кровью, или же совсем убитым.

Так, томясь бессонницей, сидела она однажды тёмною ночью, еще не раздетая, на краю своей кровати, не подозревая, что на дворе около дома кто-то бродит, часто заглядывая к ней в окошечко, как не подозревала, конечно, и того, что была в эту минуту необыкновенно красива в своей задумчивой позе с печально опущенными на колени руками и широко вытаращенными глазами, задумчиво смотревшими куда-то далеко-далеко. Но вот в окно что-то осторожно вдруг стукнуло, и молодая девушка, легко вскрикнув, быстро обернулась и начала

вглядываться в темноту. Тут ей показалось, будто у окна она видит Таннаса, а через минуту услыхала, что ее действительно кто-то зовёт в полголоса:

– Пауна! Дорогая моя Пауна, выйди ты ко мне на улицу! Не бойся! Ведь это я – твой Таннас!

Рука Пауны уже была на ручке двери, и менее чем через секунду молодая девушка, стоя уже за дверью, почувствовала вокруг себя чьи-то объятия. Торопливо отстранив руку, обхватившую стройный ее стан, она спросила:

– Но ты ли это на самом деле? Уж не вздумал ли кто посмеяться надо мною?

– Смотри, Пауна, вот твое колечко, а вот и та монета, что при прощании повязала ты мне на шею. Выносить дольше разлуку с тобой стало мне невмоготу, и я решился, во что бы то ни стало удостовериться собственными глазами, остаешься ли ты мне верна!

– Но кто же там, на войне отпустил тебя, дал тебе позволение прийти сюда?

– Никто меня не отпускал.

– Как никто! Однако же ты здесь? Разве уже кончилась война?

– Какое кончилась! Война в самом разгаре, но я бежал тайком, сделав это из любви к тебе, Пауна.

– Из любви ко мне! – злобно рассмеялась Пауна. – Уж не воображаешь ли ты, что мне так лестно будет иметь своим возлюбленным беглого солдата! Уйди прочь с моих глаз!

– Что ты говоришь, Пауна! Так вот какова твоя любовь ко мне? Ты посылаешь меня, не жалея, навстречу верной смерти.

– Ступай себе куда хочешь! Но только знай, что твоею женою я никогда не стану, ибо выносить сознание того, что я не могу не презирать своего мужа, должна за него краснеть, было бы свыше моих сил.

– Ты, вероятно, полюбила другого?

– Нет, Таннас! Тебя, одного тебя люблю я, и напролёт по целым ночам просиживала без сна, все думая только о тебе одном!.. Но при этом мне никогда даже и не снилось, чтобы сокровищем моим был малодушный трус!

И Пауна, закрыв лицо руками, горько заплакала.

– А я так полагал, что ты обрадуешься моему приходу и укроешь меня у себя!

– О, какой позор! – с горечью воскликнула молодая девушка, – Какой ужасный для меня позор – моя помолвка с тобой! Но все равно я даю тебе слово, что скорее же огонь спалит Бучдешские вершины, чем стану я твоею женою.

– А я даю тебе слово, что теперь увидишь ты меня не прежде, чем стану я калекою или же холодным трупом!

В продолжение всего этого разговора оба они, стоя друг против друга, смотрели один на другого так, что глаза их, – рассыпая искры, – только сверкали в темноте.

В эту минуту вверху на горе показалось вдруг красное зарево. Молодые люди взглянули вверх, и обоим им показалось, будто горит одна из скалистых вершин Бучдеша. Всё ярче разгоралось зловещее зарево, среди которого показались вскоре и сыпавшие искрами пламенные языки.

Неподвижные, словно окаменелые, стояли молодые люди. Тут в некоторых соседних домах раскрылись окна. Народ загалдел; одни говорили, что то горит лес, другие же кричали, что горят горные вершины. Собаки подняли неистовый лай. Пауна схватила молодого человека за плечи и шепнув ему: – «Скорей убирайся отсюда, да смотри, закрой себе лицо, не то я сгорю от стыда!» – изо всех сил толкнула его, после чего сама проворно вошла обратно в дом, захлопнула за собою дверь и моментально же погасила светившийся в ее комнате огонёк. Шибко и больно билось её сердце, пока провожала она глазами Таннаса, пробиравшегося, крадучись, вдоль домов. Потом она еще раз взглянула на гору, где, постепенно чернея, медленно гасло зарево, и ни слова не ответила на приглашение соседей пойти взглянуть на чудо.

С этого дня Пауна стала заметно худеть и бледнеть. Куда девалась ее веселая самодовольная улыбка на красивых устах, еще так недавно легко и часто складывавшихся в надменно-презрительную усмешку, и колкие, резкие замечания – более уж не обрывали случайно пущенного в нее шутливого словца. Молча исполняла она свои обязанности дома, работала часто и в поле, но при этом нередко до того уставала, что садилась на край колодезя и тут холодною водою жадно смачивала себе разгоряченный лоб.

Но вдруг по деревне разнеслась молва, будто приходил Таннас, и начали соседи поговаривать, будто то тот, то этот видели его при свете того пожара, что вспыхнул тогда на горе, да и не только видели, но и слышали его голос вместе с голосом Пауны.

Пауну начали допрашивать. При этом на лбу молодой девушки крупными каплями выступил пот, и губы ее слегка дрожали, когда она ответила:

– Разве у нас в доме не было совершенно тихо и темно в ту пору, как на горе вспыхнул пожар?

Мать же Пауны, та как-то подозрительно все покачивала головою и, кусая себе губы и тяжело вздыхая, только и твердила, мало ли какие бывают замечательные предзнаменования в такие неспокойные времена. А тут вскоре пришла весть о большом кровавом сражении с неприятелем. Весть эту услыхала и Пауна, но услыхала на этот раз одна из последних, после чего торопливо вернулась к себе домой, связала себе небольшой узелок, захватила, увязав в платок тыкву и мамалыги и, ответив на вопрос встревоженной матери, куда это она собралась: – «Я скоро вернусь, мама; обо мне ты не беспокойся!» – ушла из дому.

* * *

Окутанное тенями вечерних сумерек, тихо отдыхало поле битвы с лежащими на нём там и сям телами многих сотен павших в кровавой стычке. Тут же, томясь в

предсмертных муках, метались сражённые в бою некоторые кони, между тем как другие, тяжело ковыляя, еле-еле бродили, понурые, промеж убитых и раненных. Расположившись около огромных сторожевых костров, отдыхали погруженные в крепкий сон войска, не слыша более ни стонов, ни воплей, порой доносившихся с поля битвы. Какая-то высокая, стройная и очень статная женщина, обойдя весь лагерь и всюду и всех, опросив о Таннасе, медленно ходила теперь взад и вперёд по всему полю, всюду усеянными группами убитых, лежавших вперемешку с тяжелоранеными. Без всякого страха подходила она как к другу, так и к недругу; иному из раненых подавала напиться, другому помогала лечь как поудобнее и всех без исключения убитых осматривала с величайшим вниманием. Но вот наступила и ночь, и над кровавым зрелищем тихо взошла луна. А между тем на бранном поле молодая женщина всё продолжала бродить, всматриваясь то в одну сторону, то в другую, то наклоняясь над тем или иным раненым, то опускаясь на колени возле того или другого из отходивших в мир иной, и дрожащими от волнения руками, тщательно обыскивая каждый труп, даже и наиболее изуродованный, всё ища какое-то кольцо и какую-то монету на груди.

Один только раз случилось ей во время тяжёлого этого обхода в ужасе отшатнуться и случилось это в ту минуту, как увидала она нескольких женщин, грабивших и обиравших одного из мертвецов, причем до слуха ее долетел хруст пальцев, с которых старались они стащить кольца. Бросившись, было в сторону в первую минуту, она тут же, однако постаралась совладать с собою, и, быстро вернувшись назад, долго и пристально вглядывалась, вся трепещущая, в лицо покойника.

Давно уже, объятый глубоким сном, непробудно спал весь лагерь. Пауна между тем все бродила по освещенному луною полю битвы, порою тихо окликая: – «Таннас! Таннас!» – и в ответ на ее оклики не раз раздавался слабый стон того или другого раненого. Но утолив глотком воды жажду раненого, молодая девушка каждый раз печально при этом качала головою и, тяжело вздохнув, шла дальше. Но вот мало-помалу начало светать, и все бледнее и бледнее становилась луна. Тут Пауна вдруг увидала, как что-то в нескольких шагах от неё блеснуло. Она подошла ближе и увидала тут одного убитого, который, разутый и полураздетый держал, стиснув в руке, на мизинце которой блестело кольцо, что-то такое, что на шнурке висело у него на шее, и так крепко были стиснуты его пальцы, что ограбившим его очевидно так и не удалось разжать их.

Пауна тотчас узнала кольцо и с восклицанием: «Таннас!» тут же свалилась без чувств возле мертвеца, лицо которого, изрезанное и залитое кровью, едва можно было узнать. Очнувшись минуты через две или три, она принялась бережно смывать кровь с дорогого ей лица, и, заливаясь горючими слезами, увидала при этом, что оба глаза и переносица рассечены одним ударом меча. Но при этом она заметила и то, что кровь из раны не переставала струиться. Убедившись таким образом, что возлюбленный её ещё жив, она поспешила смочить ему губы и затем платком кое-как перевязала ему рану. Раненый слабо простонал; но, услыхав, что кто-то зовёт его по имени, протянул руку и несколько раз провёл ею по лицу Пауны.

– Пауна моя! – чуть слышно пролепетали его уста, – Оставь меня, дай мне умереть: я лишился зрения, стал слепой, и более уж не человек на свете!

– Нет, нет, не говори ты так! – воскликнула Пауна. – Ты ведь мой возлюбленный и скоро – с Божьего соизволения – будешь моим мужем. Но теперь – ни слова, молчи!

После этого утра прошло еще много томительно-длинных недель, недель, в продолжение которых Пауна без устали ухаживала за больным Таннасом, ни днем, ни ночью не отходя от него, когда в один прекрасный день в деревню, свернув с большой дороги, вошли два путника: какой-то слепой в солдатской шинели и со знаком отличия на груди и молодая девушка, заботливо поддерживавшая слепого под руку, и со счастливою радостною улыбкой объяснявшая каждому встречному: «Это мой жених! Он доблестный воин! Вы видите, грудь его украшена знаком отличия!»

– А также и лицо! – вздыхая, добавлял Таннас.

Никогда еще не бывало свадьбы более грандиозной и веселой. Со всех окрестных сёл и деревень собралась на свадебный пир несметная толпа гостей, и не было конца их соболезнованию по поводу свадьбы красавицы Пауны со слепым калекою. Но Пауна, сияющая счастьем, с торжествующею улыбкой говорила всем:

– Я горжусь моим мужем. Он храбрый герой, и благодарю Бога, что сама здорова и сильна и стало быть имею возможность прокормить и его и себя.

Горную же вершину, которую видели объятой пламенем и, над которой стояло красное зарево, прозвали Piatra arsa – Опалённою скалою, так как и местные пастухи, да и некоторые альпийские охотники с клятвою уверяли, будто нашли они там совершенно обугленныекамни.

Йипи

Высясь близко одна возле другой, точно два исполинских зубца, и упорно глядя друг на друга, торчат среди группы бучдешских высот вершины Йипи. Между этими двумя вершинами, шумя и рассыпаясь влажною пылью, водопадом низвергается в долину горный поток Урлатоаре и ревёт и рвётся, пролагая себе дорогу к Прахове. Есть предание, гласящее, будто эти две вершины Йипи были во времена незапамятной старины братьями-близнецами, любившими друг друга так горячо, что жить друг без друга не могли. Всем до последней крошки длились они между собою и во всём друг за друга стояли. Если же которому-либо из них случалось ушибиться, другой принимался плакать, и ничто утешить его не могло. Оба были так же прекрасны, как утро и вечер, оба были стройны как копья, как стрелы быстры, сильны как молодые медведи. С гордостью и любовью взирала на них та, что родила их, и, гладя их по кудрявой головке, часто говорила:

– Хорошие, прекрасные мои сыновья, Андрей и Мирэа, как бы мне хотелось, чтобы вы прославились так, что о славе вашей говорили бы горы!

Происходя из благородного именитого рода, юноши были владельцами хорошо укреплённого замка на вершине одной высокой горы и здесь на высоте державно распоряжались и властвовали, как будто им принадлежала вся Вселенная. Оба часто говаривали шутя, что им придется взять себе в жены одну и ту же женщину, так как найти двух совершенно одинаковых им вряд ли удастся, и оба были того мнения, что обоим им всего лучше вовсе не жениться. Но мать их об этом и слышать не желала, так как с нетерпением ждала то время, когда будет качать на своих коленях сыновей своих сыновей и петь им колыбельные песни.

По вечерам, сидя за прялкой, она не раз певала своим сыновьям разные старинные народные песни, между тем как оба юноши окружали ее своими ласками. Андрей помещался обыкновенно у её ног, Мирэа же, облокотившись на высокую спинку ее стула, любил вдыхать аромат ее роскошных темно-русых кос, темневших сквозь тонкое белое покрывало.

– Наша мама совсем еще молодая женщина, – замечал Андрей.

– Да, правда твоя! – подтверждал Мирэа; – в роскошной косе ее нет еще ни одного седого волоска.

– И ни одной морщинки на лице, – добавлял Андрей.

– Где же нам найти себе такую жену, которая могла бы равняться с тобою? – спрашивал Мирэа, целуя мать в голову.

– Всех женщин затмишь ты собою, – прибавлял Андрей, прикасаясь губами к мизинцу прилежной ручки, прявшей тончайшую пряжу.

– Счастливый человек был мой отец! – восклицал Мирэа.

– А мы – его счастливые дети! – говорил Андрей.

Счастливо улыбалась мать этим милым ласкам и речам сыновей и занимала их рассказами об их бабушке и о тех грубых нравах, что господствовали в то время, когда жила она на свете; рассказывала и про своего строгого отца, а также и про еще более строгого и сурового мужа.

Их обеды и ужины втроём всегда бывали так оживлённы и веселы, как будто дом их был полон гостей; а между тем, когда на самом деле к ним наезжали гости, все трое бывали всегда гораздо сдержаннее и молчаливее, как то требовалось достоинством их рода. Однако же такая сдержанность нисколько не мешала ни самой хозяйке, ни сыновьям ее отличаться примерным гостеприимством и бесконечным радушием, и не одну ночь проспали они на полу, уступив гостям свои постели. И всем в этом доме, где так нераздельно царили одна только любовь да согласие, дышалось и легко и хорошо!

Как то раз оба брата, охотясь на медведя, пробирались по крутому скату одного из самых больших утёсов, стараясь отыскать медведя, натворившего недавно перед этим не мало бед в их краю. Наконец они напали на его след, а вскоре громкий рёв и падение камней возвестили им и о близости самого зверя. Но в ту самую минуту, как Мирэа уже было приготовился пустить в него стрелу, из кустарника кто-то бросил в зверя копьём и попал ему в пах, при чем, из того же кустарника раздался чей-то молодой громкий смех. Раненый медведь между тем поднялся на задние ноги и свирепо рыча, направился к кустарнику. Увидав это, Андрей тотчас понял грозившую невидимке-охотнику опасность и, упрекнув брата, который продолжал упрямо твердить: «Пусть сам справляется с затеянной им борьбой с медведем!» – со словами: – «Но разве ты не слышишь по голосу, что это охотится мальчик?» – пересёк медведю дорогу, причём всадил ему в плечо свой нож по самую рукоятку. Медведь привскочил, но затем грохнулся на землю, по-видимому, мертвый.

– О, какая обида! – раздался звучный голос, и из кустарника, в короткой юбке, в сандалиях и в белой меховой шапочке, из-под которой в беспорядке выбивались темно-русые кудри, выбежала прелестная молодая девушка. Над красивыми лучистыми глазами с зеленоватым оттенком и золотистою искрою в зрачках, смелым размашистым штрихом рисовались тонкие тёмные брови; с плеч спускался длинный плащ из белоснежной шелковистой козьей шерсти; в руке же сверкал широкий нож, точно такой же, какой был и у Андрея, и вооруженная этим ножом неустрашимая молодая девушка поджидала к себе медведя.

– Какая право досада, что не мне довелось уложить зверя! – повторила она, и на глазах ее навернулись слезы.

Андрей, видимо, был смущён и стоял, устремив на медведя взгляд, выражавший как бы сожаление, что не может он в угоду красавице возвратить ему жизнь, между тем как молодая девушка, чтобы скрыть свое неудовольствие, машинально теребила медведя ногою. Но вдруг медведь пошевельнулся и, приподнявшись, еще раз двинулся было прямо на нее. Однако в эту минуту с высоты того утеса, близко к которому она стояла, кто-то схватил ее за плечи, слегка приподнял от земли и со словами: – «Безрассудное дитя!» – поставил опять на ноги в нескольких шагах подальше от зверя. Это был Мирэа. Пораженная сходством его голоса с голосом того молодого человека, что стоял напротив неё недалеко от медведя, молодая девушка взглянула вверх и при этом увидала, что и лицом оба незнакомца были похожи друг на друга как две капли воды.

Очень удивленная, она разинула рот, как то делают малые ребята, и принялась разглядывать попеременно то одного из братьев, то другого, так что, наконец, все трое они разразились самым весёлым детским хохотом.

– Вы, видно, двойняшки! – воскликнула молодая девушка. – Знаете, как бывают орехи-двойняшки в одной скорлупе.

– Да мы-то и есть два ореха из одной скорлупы! – улыбнувшись, проговорил Андрей.

– А кто же ты такая, очаровательная лесная чародейка? Надеюсь, однако же, что не переодетая злая ведьма, жаждущая погубить нас?

– Как знать?! Может статься я и в самом деле злая старая колдунья, – проговорила незнакомка. – Недаром же пришёл к такому заключению мой дедушка после того, как заметил, что с тех пор, как поселилась я у него, что случилось, правда, не более как с неделю, его боли в желудке совсем перестали беспокоить его.

– Нам очень хотелось бы тут же на месте арестовать тебя как злую колдунью и пленницу увести с собою в наш замок за то, что осмелилась ты охотиться в лесах и горах, принадлежащих к нашим владениям, – сказал Мирэа.

– А в замке у нас есть и злюка – мать! – прибавил Андрей.

– В самом деле? – воскликнула молодая девушка. – Ах, как бы мне хотелось ее повидать! Берите же меня – я ваша пленница!

Сказав это, она подозвала к себе сопровождавшего ее конюха, дала ему какое-то поручение к деду и, приказав ему под вечер приехать за нею с лошадью, легкою поступью последовала за близнецами по крутой горной тропинке к замку.

Тем временем Роксана – так звали мать молодых людей – выглянув из окна и увидав вдали сыновей, возвращавшихся с охоты втроём, подумала: – «Какого это молодого пастуха ведут они с собою?» – Позади-же охотников несли на носилках убитого медведя.

Когда же охотники подошли к замку поближе, Роксана вскричала не без тревоги:

– Да ведь это женщина! Где это они ее нашли?

Через несколько минут после этого во дворе раздались молодые твердые шаги и голоса, которые вскоре перешли сперва в сени, а потом и в просторную залу.

– Мама – закричал, входя, Мирэа: – посмотри, какого привели мы к тебе пленника, шалуна-охотника, испортившего нам нашу охоту. Скажи, какое за это наложить на него наказание?

Охваченная каким-то смутным страхом взглянула Роксана на незнакомку, сознавая в душе, что для неё всего было бы приятнее как можно скорее удалить ее из замка. Но в миловидной наружности молодой девушки было столько чарующей датской простоты и кротости, что Роксана не могла не улыбнуться ей, а затем приветливо протянула ей руку, которую незнакомка почтительно поднесла к своим губам.

– Полагая, что худшим для неё наказанием будет то, если заставим ее часок-другой посидеть за прялкой вместе со мной, старухой.

– Вовсе нет! Я мастерица по части пряжи и пряду не хуже любой волшебницы. Уверяю вас, что пальцы мои оттого, что недурно владеют они копьём, нисколько не утратили ни своей гибкости, ни проворства, ни легкости. Что же касается разницы в летах, то я привыкла находиться исключительно только в обществе моего деда, который день-деньской всё только и сидит в своём кресле и каждый раз, как начинаю я ему что-нибудь рассказывать, поминутно засыпает.

Говоря это, молодая девушка сняла с себя свой длинный плащ, и хотела было положить его куда-нибудь в сторонку, но Андрей любезно предупредил ее в этом. Хозяйка замка сама сняла с неё меховую шапочку и причесала ей голову, откинув с разгорячённого лба влажные кудри, отчего молодая девушка казалась еще красивее, так что Роксана, также как и сыновья ее, невольно залюбовались ею.

– Как же тебя зовут, милое дитя? – спросила она ее.

– Урландой зовут меня; не правда ли какое некрасивое имя? Меня было хотели назвать Роландой; но я при этом так ревела – говорят – и кричала, что назвали меня не Роландой, а Урландой.

Незнакомка рассказала это таким комично-грустным тоном, что слушавшие ее не могли сдержать улыбки.

– Дед же мой живёт по ту сторону горы, и сегодня я зашла очень далеко от дома, – прибавила она.

– В таком случае ты, наверное, с аппетитом пообедаешь с нами, не так ли? – спросила Роксана и, взяв гостью за руку, провела ее в столовую. Комната эта была вся увешана дорогими восточными коврами; на столе же на белой скатерти блестело серебро.

За обедом оба брата пили вино в весьма умеренном количестве и притом не иначе, как обильно разбавив его водою; обе же женщины довольствовались исключительно одною водою. Разговор за столом – незатейливый, простодушный и нисколько не натянутый – был очень веселый. Рассказывались разные охотничьи похождения, из которых одно было невероятнее другого, в чём Роланда не только не отставала от братьев, но еще и умудрялась перещеголять их своими и того более невероятными рассказами и всё это таким серьёзным тоном, как будто готова была принять присягу в правдивости того, что рассказывала.

Братьев она поминутно смешивала, называя их то Мирэа Андреем, то Андрея Мирэем, что самой ей казалось очень забавным. Когда же Андрей отрекомендовал ей себя как тот, который спас ей жизнь, – причем Мирэа ревниво поспешил заметить, что от последних объятий медведя спас ее он, – она, смеясь, заметила им:

– Это отлично, что спасением своей жизни я обязана вам обоим, так как иначе мне постоянно приходилось бы быть в недоумении, не зная, наверное, который же собственно из вас спас меня.

После обеда она попросила, чтобы ей дали прялку и веретено, так как она хотела доказать, что-то, что говорила она на счёт удивительного своего искусства прясть, было вовсе не охотничьим рассказом. Эти последние слова

были сказаны ею не без лукавой улыбки по адресу обоих братьев.

И действительно, изготовленная ею пряжа походила скорее на паутину, до того была она тонка и ровна, чему немало подивилась Роксана.

– Я и вышивать умею прекрасно, – сказала молодая девушка; – этому меня научила моя мать, которая сама умела прелестно вышивать и все надеялась с помощью различных рукоделий укротить мой резвый, неусидчивый нрав. Однако же я постоянно старалась справиться с заданной мне работою гораздо скорее, чем могла рассчитывать моя мать, и прежде, чем успевала она оглянуться, я уже опять торчала либо на конном заводе, либо где-нибудь в лесу на охоте.

Тут рассказчица чуть-чуть вздохнула.

– Теперь наш конный завод продан. Впрочем, здесь и ездить верхом среди этих несчастных гор нет никакой возможности: нет здесь ни простора, ни раздолья!.. А, да вот и моя лошадь пришла за мною! – воскликнула она и вскочила. – Теперь мне надо ехать, так как иначе я вернусь домой не раньше ночи, а дедушке моему, с его густыми нависшими бровями, около которых скопилось столько мелких морщин, в любое время не трудно, если он только захочет, принять вид очень свирепый.

Сказав это, она подбежала к Роксане, поцеловала ей руку, потом поклонилась братьям, махнув им своей меховой шапочкой, которую затем ухарски надвинула на свои длинные кудри, забежала в зал, схватила свой плащ и как вихрь выбежала во двор, где, подбежав к лошади, вскочила по-мужски в седло.

Оба брата, приказав оседлать своих коней, отправились провожать молодую гостью до рубежа своих владений, и все трое, уезжая, весело смялись, раскланиваясь с Роксаною, которая, хотя и с улыбкой, как-то грустно смотрела на них из окна. Чувство какого-то смутного страха все еще лежало у неё на сердце, хотя она и сама не могла бы объяснить себе, почему это было так, и с величайшею радостью немедленно же вернула бы к себе назад своих милых сыновей.

Роланда непременно хотела галопом нестись с горы на гору. Помешать же ей исполнить такое свое желание оказалось делом далеко не лёгким; и не прежде, как попросили ее пожалеть бедных лошадей, перестала она погонять свою

лошадь, причём, вздохнув, заметила: «И вот такие-то, еле подвигающееся вперёд четвероногие, называются у вас конями!»

Надвинувшаяся между тем ночь заставила Роланду пригласить своих провожатых завернуть к ее деду. Старик сидел у очага, поглаживая свою белоснежную бороду, доходившую у него чуть ли не до самого пояса.

– Ну, где же это ты опять у меня пропадала, сорванец ты мой? – добродушно ласково спросил он внучку.

– В ужасном плену в наказание за нарушение устава об охоте, дедушка. А вот и преследователи мои, которые проводили меня сюда, чтобы удостовериться, правдивы ли были мои показания.

Старик весьма благосклонно посмотрел на молодых людей, очень почтительно остановившихся перед ним. Вскоре был подан ужин, который прошёл также весело, как давеча обед в доме Роксаны.

На следующее утро, едва только рассвело, Андрей и Мирэа поспешили отправиться в обратный путь домой, причём немало изумились при виде цветов, дождём посыпавшихся вдруг на них из одного из окон. Но не успели они взглянуть вверх, как окно уже захлопнулось, и таким образом оба уехали, никого не увидев.

День этот положил начало беспрерывному ряду обоюдных посещений, прогулок верхом, охотничьих экскурсий в горах и мирных бесед у домашнего очага.

Иногда, однако же, на Роланду находили минуты тихой грусти, и в такие минуты она бывала еще более привлекательна. Тут она обыкновенно много говорила о покойных своих родителях и о круглом своем сиротстве; дед её – говорила она – очень стар и вероятно уже недолго поживете на свете, а куда она тогда денется – этого она и сама не знает.

– Не оскорбляй ты нас! – восклицал Андрей, – Разве мы тебе не братья? И разве нет для тебя места в нашем замке?

– Да и наша мать, разве не любит она тебя? – прибавлял Мирэа.

А между тем сердце Роксаны при таких разговорах каждый раз тревожно сжималось; но, несмотря на это, она всё-таки очень искренно и горячо любила свою милую резвую дикарку.

Но вот как-то раз вскоре после одного из подобных разговоров в замке совсем неожиданно услыхали вдруг отрывистый топот коня, быстро мчавшегося вверх по дороге к замку, и не более как через каких-нибудь две-три минуты Роланда, бледная, с непокрытою головою и распущенными волосами, вбежала в комнату к Роксане:

– Умоляю вас, именем всего святого, позвольте мне остаться у вас и жить в вашем доме! Дедушка мой скончался. Я сама закрыла ему глаза, вымыла его, положила в гроб и похоронила, и, делая всё это, ни разу не почувствовала ни малейшего страха. Но теперь в дом его наехали его родственники, целая орава, и начали спорить о его наследстве, ссорились, кричали, галдели, меня бранили и ругали за то, что дедушка и мне что-то завещал, а один из них, старый и лысый, вздумал упрашивать меня сделаться его женою! О, ужас! Вот уж тут-то я испугалась!!! Такой противный! Однако же я ему сказала, что зовут меня Урландой и что я так капризна и зла, что быть моим мужем будет для всякого одним лишь наказанием. Да и в самом деле я вовсе не желаю выходить замуж; а желала бы остаться у вас и жить здесь, пока не прогоните вы меня от себя.

Не без труда следила Роксана за этим быстрым потоком слов сильно взволнованной молодой девушки. Но еще труднее, оказалось, успокоить бедняжку. Однако же, наконец, ей удалось увести её в ту уютную, светлую комнату, в которой Роланда еще раньше уже не раз ночевала, и тут она ей сказала, что отныне дом этот будет её домом до тех самых пор, пока целы будут его стены и крыша.

Роланда кинулась обнимать ее, целовала ей руки и дала ей слово, что будет кротка и тиха – тиха как большое тихое озеро! Улыбнулась на это Роксана и заметила ей, что кротость явится в ней тогда, когда станет она женщиною замужнею.

– Но я вовсе не хочу выходить замуж, а желаю остаться девушкой, а главное быть вольной, вольной, как вольная пташка.

Роксана чуть слышно вздохнула, но тут же начала вдруг прислушиваться к голосам вернувшихся домой сыновей, при чем от неё не ускользнуло то, что оба, войдя, прежде всего, спросили о Роланде, которую издали видели в ту минуту, как неслась она вверх по горе к замку.

Удивительная перемена произошла во взаимном обращении обоих братьев с тех пор, как в замке поселилась Роланда, к которой оба относились как бы к младшей сестре. Да и самой молодой девушке, казалось, овладела с тех же пор небывалая в ней робкая застенчивость. Чаще прежнего стали оба брата уходить из дома; но уже не вместе, а врозь и всего чаще в совсем противоположные стороны; между тем как Роланда, оставаясь наедине с их матерью, была рассеяна, часто задумывалась, а порою украдкой даже и плакала. Иногда же в те минуты, когда она думала, что никто на нее не смотрит, она принималась как-то странно вглядываться попеременно то в одного из братьев, то в другого, а затем углублялась в саму себя, словно стараясь уяснить себе что-то такое, что, видимо, оставалось для неё тёмным. Впрочем, даже и теперь ещё ей не редко случалось смешивать обоих братьев; хотя теперь она при этом уже заливалась чистосердечным хохотом, а как-то тревожно только взглядывала на их мать, которая со своей стороны с затаённым страхом замечала, что над домашним её очагом, видимо, сгущалась чёрная грозовая туча и пуще Роланды старалась, чтобы никто не заметил слез, нередко проливаемых ею украдкой с тех пор, как сыновья её каждый в отдельности признались ей в своей глубокой, беспредельной и необоримой любви к молодой девушке, причём каждый из них в заключение спросил ее:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

[«Carmen – это песня, а Sylva есть лес,

Так и возникла на свет песнь Лесная,

И если бы я не в лесу родилась,

То не было б в мире давно моих песен».]

2

Румынский народный танец.

3

Овечья лужайка.

4

Молодая ягнившаяся овца.

5

Ягнёнок.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sil-va_karmen/skazki-gor-i-ruch-ev

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить